

УДК 902/904(476) «633»

ГРЕНСКИЕ ТРАДИЦИИ В МЕЗОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Автор: Колосов Александр Владимирович, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин.

Контактная информация: тел.: +375(44)7163497, эл. почта: kolosov_arc@mail.ru.

Описание: В статье рассматривается основной круг проблем, существующих в историографии гренской культуры финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. В настоящее время представления о путях и механизмах формирования, времени обитания населения этого древнейшего культурного явления носят дискуссионный характер. Понять сущность так называемого «гренского вопроса» невозможно без изучения природы его происхождения, чему и посвящена настоящая статья.

Description: The article deals with the main range of problems in the historiography of the Grensk culture of the Final Palaeolithic and Mesolithic ages in the Upper Dnieper region. At present, the understanding of the ways and mechanisms of the formation as well as the time of habitation of the representatives of this ancient culture are rather debatable. It is impossible to understand the essence of the so-called "Grensk question" without a study of the nature of its origin, this problem being regarded in this article.

Область применения разработки (назначение): Образование.

Внедрение (планируемое внедрение) разработки: Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», февраль 2014 г.

Основные преимущества разработки: Исследование основано на использовании современных методов научного анализа, в основе которого лежит критика источников. В научный оборот введены новые данные по мезолитическому этапу развития гренской культуры Верхнего Поднепровья.

В последние годы в изучении финального палеолита и мезолита лесной полосы Восточной Европы наметилась тенденция к обобщению и теоретизации знаний. Актуальное значение сегодня приобретают вопросы происхождения культуры черепковых наконечников стрел, определения времени эйкуменизации северных широт Европы в поздне- и послеледниковое время. На фоне этих, казалось бы, более или менее разрешимых проблем, гренская культура Верхнего Поднепровья заслуживает особого внимания, поскольку является связующим звеном в эволюции культурных традиций между поздним (финальным) палеолитом, с одной стороны, и мезолитом рассматриваемой территории – с другой.

Начиная с 1960-х гг., с момента выделения этой культуры В.Д. Будько [2], была накоплена представительная база источников, позволившая значительно расширить представления по вопросу заселения Восточной Беларуси в период деградации последнего

ледника. Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980-х – 1990-е гг. в историографии финального палеолита Верхнего Поднепровья четко обозначился круг проблем связанных с генезисом и хронологией памятников гренской культуры [6; 4; 3; 8]. На современном этапе исследований гренская проблематика дополняется определением места данной культуры в финальном палеолите и мезолите запада Восточно-Европейской (Русской) равнины, начиная от признания факта универсальности этого культурного явления до возможного (необходимого) его отрицания [10]. Свою актуальность сохраняет вопрос об адаптации населения гренской культуры после окончания последней ледниковой эпохи, т. е. в мезолитическую эпоху.

Следовательно, цель статьи заключается в определении роли гренских традиций в сложении мезолита Верхнего Поднепровья, что позволит, в конечном итоге, наметить перспективы дальнейшего изучения этого культурного явления в финальном палеолите и мезолите Восточной Европы.

Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена еще В.Д. Будько [2]. В ее основу легли сведения о стоянках Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В.Д. Будько выделить три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее бёллингского интерстадиала, третий приходился на аллерёд [2]. Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В.Д. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений [1, с. 39–55; 6, с. 10–27, 32–47; 4, с. 23–25].

Так, В.Ф. Копытин выделил две хронологические группы памятников гренской культуры [1, с. 39–55; 6, с. 10–27, 32–47]. В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная и датировал их финальным палеолитом (12–10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10–8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В.Ф. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: «все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря» [1, с. 46]. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В.Ф. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда [1, с. 45–46; 6, с. 32].

В целом же, гренская культура, по мнению В.Ф. Копытина, с которым солидарна была и Е.Г. Калечиц [1, с. 55–67; 6, с. 48–58; 4, с. 67–72], рассматривалась в качестве прямого генетического предка населения двух культурных традиций эпохи мезолита – иеневской в Волго-Окском междуречье и песочноровской в Среднем Подесенье. Кроме этого, как считали исследователи, часть гренского населения, при опосредованном участии свидерского, стала генетической основой сожской культуры позднего мезолита (8000 – 6000 лет назад). Археологически это подтверждалось присутствием в составе кремневого инвентаря сожской культуры гренских (техника расщепления и орудия труда) и свидерских (наконечники стрел с плоской подтеской черешка) элементов. В свете современных представлений установлено, что конгломерат кремневых комплексов сожской культуры является результатом естественного (механического) смешения материалов разных культур, а не примером взаимодействия и взаимовлияния разнокультурных традиций [5, с. 8–12]. Поэтому идею трансформации гренской культуры в некое новое и своеобразное явление позднего мезолита Посожья следует считать только моментом историографии.

Свой взгляд относительно хронологического контекста гренской культуры предлагает украинский археолог Л.Л. Зализняк [3, с. 44–51]. Гренские стоянки он объединяет в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного Лингби. Сама красносельская культура уже в начале пребореала стала основой для формирования иеневских и песочноровских древностей [3, с. 46–51], что демонстрируют памятники переходного этапа типа Боровка. В конечном счете на основе аренсбургских и красносельских традиций в Скандинавии сформировалась постаренсбургская культурная зона. В нее, кроме иеневской и песочноровской культур, как считает Л.Л. Зализняк, входили также культуры Фосна и Комса [3, с. 51]. Аналогичных взглядов придерживается и польский археолог С. Козловский, который считает, что в начале голоцена в междуречье Верхнего Днепра и Десны возникла «пост-деснинская» культура, близкородственная культурам европейского севера – Фосна и Комса [11, р. 30–35].

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В.П. Ксензов [23]. В качестве хронологических реперов В.П. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов – трапеций. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа (23). Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей [1, с. 39–55; 6, с. 12; 4, с. 47], т. к. возраст некоторых гренских стоянок, определенных В.П. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации.

Дискуссионный характер приобрело датирование В.П. Ксензовым отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапеций. Действительно, высокие и средневысокие трапеции сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников получены в результате поверхностных сборов. В них, кроме гренских, имеются материалы кудлаевской мезолитической культуры, неолита и бронзового века. Поэтому присутствие трапеций, по нашему мнению, не является надежным показателем поздне-мезолитического возраста гренской культуры, поскольку данная группа микролитов может относиться к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В.П. Ксензов [23].

Вместе с тем, с учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре междуречья Волги и Оки относится к другой половине пребореала – началу бореального времени [7, с. 38–60]. К такому выводу приходит и Л.Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна [9, с. 60–62]. Однако в последнее время высказывается мнение о возможном удревнении иеневской культуры междуречья Волги и Оки [9, с. 68–85; 10]. Объективность абсолютных дат этой культуры ставится под сомнение, что, по мнению А.Н. Сорокина, объясняется «феноменом натурального омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов» [9, с. 81]. По времени иеневская культура, как считает А.Н. Сорокин, может соответствовать финальному палеолиту и, следовательно, традиции иенева поставлены в один ряд с такими культурами, как аренсбургская, гренская, песочноровская, усть-камская.

Если выводы А.Н. Сорокина верны, тогда необходимо будет признать древность не только самой гренской культуры, но и иеневско-песочноровских комплексов с трапециями. Правда, если строго подходить к трапециям как одному из критериев хронологического определения материалов культуры, то нельзя не заметить, что такие формы известны и в некоторых комплексах гренской культуры. Например, грубая асимметричная трапеция содержится в кремневом инвентаре стоянки Хвойная, которая по стратиграфическим наблюдениям датируется началом позднего дриаса [6, с. 25–27]. Известны трапеции и в коллекции Гренской стоянки, но отсутствие выразительной стратиграфии

памятника, наличие разновременных материалов не позволяют связать находки этих микролитов конкретно с гренским комплексом.

В последнее время автору на территории Белорусского Посожья удалось локализовать несколько пунктов с находками геометрических микролитов, которые соответствуют материалам на этапе развития песочноровско-иеневских древностей (Бартоломеевка-2, Загорье (Жавынец), Залядь, Новые Громьки-4, Калинино (Чурилово), Первокривичский-3, Романовичи, Якубовка-2). Кремневый инвентарь этих стоянок представлен находками одно- и двухплощадочных нуклеусов, с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы в технике твердого удара. Среди многочисленных изделий со вторичной обработкой, присутствующих в коллекциях посожских стоянок, типичных для иеневско-песочноровской культуры являются находки высоких симметричных и ассиметричных трапеций, которые дополняются ассиметричными наконечниками стрел с боковой выемкой и простыми черешковыми наконечниками стрел на пластинчатых заготовках. К этому комплексу находок можно отнести также серию крупных пластин со скошенным концом и треугольники, которые наиболее характерны для деснинского бассейна.

Для решения вопроса о времени появления в среде культуры ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой геометрических микролитов, как, впрочем, и развития культуры в постледниковое время в целом, требуется привлечение надежных источников, обеспеченных данными естественных наук. Поиск памятников, обеспеченных абсолютными датами, сравнение их с материалами сопредельных территорий позволит не только проследить генезис и эволюцию традиций кремнеобработки населения, обитавшего в Восточной Европе на заключительных этапах эпохи палеолита, но и определить их роль в формировании мезолитических культур рассматриваемой территории, что требует соответствующего комплексного изучения имеющихся источников. На данном же уровне исследования речь должна вестись не о начале появления трапеций как таковых, а о начале наибольшего и, заметим, повсеместного их распространения. Появление микролитов, на наш взгляд, либо дает яркий пример технических новаций в среде культур охотников на северного оленя, связанных с изменением способов ведения хозяйства в условиях трансформации окружающей среды на рубеже плейстоцена – голоцена, либо отражает культурную специфику.

Список использованных источников

1. Археологія Беларусі : у 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
2. Будько, В. Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии / В. Д. Будько // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Ленинград : Ин-т археологии АН СССР, 1966. – № 126 : У истоков древних культур. – С. 35–46.
3. Залізняк, Л. Л. Фінальны палеоліт і мезоліт кантынентальнай Украіны. Культурны паділ та перыядызацыя / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба Украіны. – Київ : Шлях, 2005. – Вып. 8. – 184 с.
4. Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск : Экоперспектива, 2003. – 223 с.
5. Колосов, А. В. К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А. В. Колосов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гум. науки. – 2012. – № 1. – С. 23–29.
6. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
7. Кравцов, А. Е. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А. Е. Кравцов, А. Н. Сорокин. – М. : Ин-т археологии АН СССР, 1991. – 66 с.
8. Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 170 с.
9. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2006. – 216 с.
10. Сорокин, А. На переломе эпох / А. Сорокин, С. Ошибкина, А. Трусов. – М. : Гриф и К, 2009. – 387 с.
11. Kozłowski, S. K. The tanged Points Complex / S. K. Kozłowski // Tanged points Cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 28–35.